

A portrait of a woman with light brown, curly hair, wearing a white headscarf and a blue shawl over a white dress. She is seated on a red upholstered chair. The background is dark and indistinct.

Тамара Злобина

*Храни меня,
мой
талисман*

*мелодрама
с элементами
детектива*

Тамара Злобина

**Храни меня, мой
талисман. Мелодрама
с элементами детектива**

«Издательские решения»

Злобина Т.

Храни меня, мой талисман. Мелодрама с элементами детектива /
Т. Злобина — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-934881-4

Чемоданчик, привезённый из Германии дедом Дмитрием Калгановым и ставший талисманом для внука, оказался весьма непростым. Вокруг него уже развивается современная история, выявляя всю скрытую информацию и вовлекая в свою ауру, казалось бы, совсем посторонних людей, ставших в результате самыми родными и любимыми для главного героя.

ISBN 978-5-44-934881-4

© Злобина Т.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Чемоданчик	6
Глава 2. Знакомство	9
Глава 3. Деловое предложение	12
Глава 4. Закон бизнеса	15
Глава 5. Вся подноготная	19
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Храни меня, мой талисман

Мелодрама с элементами детектива

Тамара Злобина

© Тамара Злобина, 2018

ISBN 978-5-4493-4881-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Чемоданчик

*Храни меня, мой талисман
Храни меня во дни гоненья,
Во дни раскаянья, волненья:
Ты в день печали был мне дан.*
(А.С.Пушкин)

Гостиная городской квартиры, обставленная богатой, современной мебелью, с картинами на стенах, с занятыми безделушками, придающими индивидуальность и создающими уют.

Утро в самом разгаре, Из-за полу-открытых штор пробивается свет, яркими полосами ложась на пол из дорогого заграничного материала, гармонирующего по цвету с обстановкой. Слышно, как тикают настенные часы, стилизованные под заморскую птицу с ярким оперением и глазами-изумрудами.

В дверях гостиной появляется женщина – худенькая, с бледным интеллигентным лицом, со светлыми волосами, собранными на затылке в узел. На ней тёмно-синий фирменный халат работницы службы уборки с нашивкой на рукаве: «Чистота-залог здоровья». В руках работницы ведро с необходимыми для уборки принадлежностями и швабра.

Женщина переступает через порог, ставит ведро на пол, затем открывает шторы на окнах. В комнату врывается поток света, делаая её более приветливой и уютной. Окинув взглядом фронт работ, уборщица замечает на полу возле диванной группы груды не совсем чистой одежды и собирается убрать её со словами:

– Надо же, какая неопрятная хозяйка: оставила грязную одежду на полу.

Из-под одежды выкатывается початая бутылка заграничного коньяка с красочной этикеткой и её содержимое начинает выплёскиваться на пол.

Едва только женщина склоняется, чтобы убрать бутылку, из-под тряпья возникает мужская рука и уводит бутылку из-под самого её носа.

Глуховатый мужской голос вещает:

– Не лапай, не твоя!

Уборщица не успевает удивиться, как гора изгвазданной одежды начинает шевелиться и возникает вторая рука, крепко вцепившаяся в ручку старого чемоданчика допотопного производства. Скорее всего он из предвоенного времени, когда всё делалось основательно и на совесть. Но этот чемоданчик, видимо, пережил не только военные годы, но и после них нёс немалую нагрузку: он потёрт, почти потерял свой исконный цвет, к тому же немного помят, словно на нём пытались станцевать чечётку.

Следом за появлением рук, в сторону летят не первой свежести плащ и костюм, а перед взором ошарашенной женщины предстаёт слегка потрёпанный мужчина, неопределённого возраста, со всклокоченными волосами и физиономией со следами бурно проведённой ночи.

Мужчина непонимающе смотрит на работницу.

– Ты... кто? – интересуется он, старательно подбирая слова.

Женщина понимающе кивает в ответ:

– Работница службы уборки «Чистота». На сегодня у меня заявка на уборку этой квартиры.

– Ну, так убирай, – ворчит мужчина. – Нечего чужие бутылки лапать.

Женщина продолжает стоять, молча глядя на ворчуна.

– Ну, и чего ждём? – недовольно спрашивает мужчина, продолжая сидеть на полу с бутылкой в одной и с чемоданчиком в другой руке.

– Жду, когда вы освободите фронт работ.

– Фронт работ?! – скалится мужчина. – Что бы ты в этом смыслила, детка?

– А вы кто такой? – неожиданно поинтересовалась женщина, не обращая внимание на иронию мужчины.

– Я? – удивился мужчина, глядя во все глаза на «нахальную уборщицу». – Я хозяин этой квартиры... Пока что.

– Даже, если и так, то это не даёт вам право издеваться над человеком, который находится при исполнении своих обязанностей.

Мужчина, явно не ожидая отпора со стороны свалившейся на его больную голову работницы, делает глоток из бутылки, морщится и произносит недовольно:

– Помои!

Потом он с трудом, шатаясь, поднимается с пола, ставит бутылку на журнальный столик, шлёпается на диван и только тут обращает внимание на чемодан. Его лицо выражает полную досаду.

– Чёрт! – произносит он. – Чемодан-то мне зачем? Я что, куда-то собирался?

Он вопросительно смотрит на женщину, словно от неё ожидая ответ на свой вопрос.

– Вы у меня спрашиваете? – реагирует та, пытаясь изобразить на лице ироническую улыбку, но та получается вялой и неубедительной.

Мужчина машет в ответ рукой и неожиданно вскакивает с дивана с прыткостью горного козла. Женщина в испуге отшатывается подальше, но её движение остаётся им не замеченным.

– Чёрт! – кричит мужчина вновь, понижая тон к концу монолога. – Это же мой талисман?!... Как я мог забыть всё?! Где откопал?... Года два он не попадался мне на глаза...

Крик нисходит почти до шёпота:

– Что я сотворил с тобой, товарищ моей бедной юности?

Уборщица не выдерживает и вторит ему:

– А главное: что сотворил с собой?...

Мужчина одаривает её говорящим взглядом, и женщина понимает, что ей лучше помолчать.

«Странный господин», как окрестила хозяина про себя уборщица, сначала пытается выпрямить крышку чемодана, потом намеревается выдрать у него подкладку.

А вот этого делать не стоит, господин хороший – реагирует женщина. – Лучше от этого он не станет.

– Что бы ты в этом понимала, женщина?! – взвивается господин хороший.

И добавляет уже миролюбивее:

– Может по нему молоточком пройтись?

– По талисману-то? – усмехается в ответ работница. – Я бы не рискнула: его беречь нужно, как зеницу ока, а не молоточком охаживать. Он же – талисман...

Мужчина в задумчивости ерошит свою, и без того кудлатую, шевелюру:

– Да уж, наверное, не стоит... А, что делать? Он дорог мне, как память: двадцать лет назад я приехал в этот город вот с этим самым чемоданчиком... в котором лежали смена белья, пара носков, бритвенные принадлежности и несколько книг...

Неожиданно женщина декламирует тихо и проникновенно:

– «Храни меня, мой талисман,

Храни меня во дни гоненья,

Во дни раскаянья, волненья:

Ты в день печали был мне дан».

– Помню-помню, – реагирует мужчина. – Александр Сергеевич... Сам когда-то увлекался его стихами... Так называемая «детская болезнь пушкинизма».

– Лечились? – интересуется женщина, отводя в сторону глаза.

– Само прошло! – бурчит ей в ответ мужчина, понимая «тонкий намёк».

Взгляд мужчины становится слегка озадаченным, он словно силится что-то понять или припомнить.

– Ваши слова, работница службы «Чистота», не лишены здравого смысла, – начинает он. – Но, что делать мне с этим сильно подпорченным талисманом – ума не приложу... Как-никак дедушкин подарок... Он его из Германии привёз в 45-м.. Военный трофей, так сказать. Чистая кожа...

– Ну, допустим, подкладку, которую вы пытались выдрать, я смогу подшить, – реагирует женщина. – Кожу нужно смазать маслом, а на крышку поставить груз – она и выпрямится... В качестве талисмана чемоданчик ещё послужит... Если, конечно, у него будет содержимое.

– Что ещё за содержимое? – вновь повышает голос мужчина, явно не вникая в смысл сказанного.

– Смена белья, бритвенные принадлежности, носки, несколько книг, – поясняет женщина, не обращая внимание на тон.

– Ах, да, – словно что-то припоминает мужчина, повторяя, как во сне:

– Содержимое... Содержимое... Ну, конечно, содержимое! Как я о нём забыл?!... Всё началось именно тогда, когда Вероника пыталась выбросить чемоданчик на помойку... Его-то я отстоял, а содержимое – исчезло...

Странное поведение хозяина настораживает уборщицу, невольно вызывая тревогу: кто знает, что это за тип, и что у него в голове – вон какие глаза, как у загнанного зверя.

А мужчина вдруг успокаивается и переключается совсем на иное:

– Пока я приму душ, не уходите, поборница чистоты. Дождитесь меня!... А то, ещё что-нибудь умыкнёте! Знаю я вас приходящих работников – так и норовите что-нибудь стащить!

– А как же чемодан? – с растерянностью интересуется женщина. – Приводить его в порядок, или нет?

Тем временем мужчина уже направляется в душевую и бросает через плечо:

– Масло – на кухне в холодильнике, а швейные принадлежности в серванте в голубоватой коробочке.

Глава 2. Знакомство

Не станем подсматривать за мужчиной в душевой по этическим соображениям – это по меньшей мере неприлично, да и не интересно. Что интересного в обнажённом полу-трезвом мужчине, если он не Аполлон Бельведерский и даже не Давид Микеланджело?

А вот на кухню, где сейчас находится женщина – можем заглянуть.

Невольно возникает вопрос, а не пора ли заканчивать с определениями мужчина-женщина и назвать героев своими именами? Хотя... Пусть всё идёт своим чередом и мы дождёмся, когда они сделают это сами. Ведь должны же они, наконец, познакомиться?

Итак, на кухне вовсю кипит работа: перво-наперво работница слегка, как бы для пробы, прошлась по поверхности чемоданчика растопленным сливочным маслом, придавая ей более насыщенный, яркий цвет. Наряду с тонкой, на ощупь бархатистой кожей, взору открывается слабое тиснение, которого раньше не было заметно. Стало понятно, что вещь явно непростая – можно сказать, штучного изготовления.

Когда дело доходит до подкладки, то под ней оказывается тонкая металлическая пластина. Пластина мерцает странным серебряным светом, создавая впечатление совершеннейшей новизны, в отличие от старого чемоданчика. Но не свет, и не новизна поражают женщину, а тончайшая, ажурная гравировка.

В правом нижнем углу пластины просматривается старинный, парящий над пропастью замок, а в левом верхнем – некий геральдический знак, который при первом рассмотрении женщина принимает за старинный герб. Впрочем, утверждать, что это именно так, она не может при её поверхностных знаниях в разделе геральдики. Даже такие – поверхностные знания, ей время от времени преподносит подруга Ника Реутова, специализирующаяся в этих «бесполезных, но таких любопытных тонкостях». Чего-чего, а уж любопытства Веронике – не занимать.

– Весьма интересная находка! – мысленно рассуждает женщина, мелкими стежками пришивая оторванный карман, который обычно в походных чемоданчиках служит для хранения документов. – Ника, несомненно, обрадуется такому подарку: для неё каждая необычная находка, как «кусочек торта с вишенкой».

Воспоминание о подруге вызывает у женщины невольную улыбку, озаряющую её строгое лицо.

За этим занятием её и застаёт хозяин квартиры. Остановившись на пороге кухни, он невольно замирает, наблюдая за увлечённой женщиной.

– Как может преобразить женское лицо одна только улыбка! – восхищённо думает он. – Всего несколько минут назад это была только уборщица... А теперь можно сказать: красавица... Странно. Почему сразу не заметил?... Глаза необычайно тёплого, солнечного цвета – такие встречаются редко... Чуть припухшие губки на худощавом лице... Упавшая на бледную щеку прядь волос, которую так и хочется убрать... Хотя, пожалуй, и она не портит общей картины... Словно тихий Ангел, по ошибке залетел в мой бедлам...

Идиллию прерывает женский голос:

– А трезвое лицо вам идёт больше... И даже женский розовый халат его не портит.

– Ну и характер! – смеётся в ответ мужчина. – Вы всем режете правду-матку в лицо?
– Почти – без тени улыбки, отвечает женщина, гася искру нежности в душе мужчины.
– Не завидую я вам, – реагирует мужчина, плотнее закутываясь в халат жены, оставленный, по-видимому, ему « в наследство».
– А я вам, – парирует женщина.

– Что так? – недоумённо поднимает бровь оппонент.
– Трудно с вами.
– Вот уж никогда бы не подумал!... Почему так решили?
– Вы привыкли к тому, что все вам угождают, говорят только приятные вещи, восхищаются... Словно вы – эталон совершенства.
Напор и убеждённость женщины вызывает у него улыбку.
– Ну-ну, – подбадривает он, – и какой же из всего этого вывод?
И женщина начинает сердиться: её бледные щёки окрашивает слабый румянец, а глаза начинают блестеть:
– Никакой вы не эталон! Обычный мужик, надирающийся время от времени так же, как и сантехник Петрович – до неменяемого состояния!

Последние слова вызывают у мужчины смех, который он даже не пытается скрыть. Смеётся громко, от души.

– Подловили вы меня! Ох, подловили... А, что если я и есть сантехник Петрович – собственной персоной? И значит сам Бог велел мне время от времени надираться до такого состояния!

– Да не велел Бог – не велел! – недовольно протестует женщина. – Вы сами себе велели... Смотрю и удивляюсь: почему так слаба сильная половина человечества? Чуть что вы сразу хватаетесь за бутылку, словно на её дне все решения. А там нет решения – нет! Там только разочарование и человеческая глупость.

Мужчина в ответ пожимает плечами, не рискуя ввязываться в дискуссию.

– Не верите, что я сантехник Петрович? – усмехается он. – Могу предъявить паспорт... Дмитрий Петрович Калганов – инженер-сантехник. Собственной персоной.

– Ну, да? – удивляется женщина.

– Да, ну, – вторит ей Петрович.

И через паузу:

– А как мне к вам обращаться, мой любезный критик?

И «любезный критик» не может отказать себе в удовольствии, чтобы не поддеть «инженера-сантехника».

– С уборщицами не принято знакомится – контрактом не предусмотрено.

– Сантехнику можно, – уверяет её Дмитрий. – А контракту мы ничего не расскажем.

– Елизавета Михайловна Веретенникова, – представляется женщина, сопровождая свои слова дурашливым книксеном.

Дмитрий внимательно смотрит на Елизавету, словно пытаясь что-то припомнить, но так ничего и не вспомнив, выдаёт принятую в обществе банальность:

– Очень приятно.

Елизавета принимает игру:

– Мне тоже.

Наступает тишина, грозящая перерасти в неловкость. Первым находится Дмитрий:

– Когда я вошёл сюда, вы чему-то улыбались... Если, конечно, это не секрет?

– Никаких секретов! – подхватывает тему Лиза. – Посмотрите, что я обнаружила под оторванной подкладкой.

– Что это? – удивляется Дмитрий. – Столько лет знаком с этим чемоданчиком, но даже понятия не имел о его тайне.

– Вы правы! – радуется Лиза. – Это тайна. Тайна, которую ещё придётся разгадать... Видите: в левом углу некий геральдический знак, в виде старинного герба? Мне кажется, что нужно показать это изображение тому, кто разбирается в геральдике – пожалуй, тут пригодятся и знания германофила..

– Так-так, – улыбается ей в ответ Дмитрий, – геральдика, германофил... Впервые встречаю уборщицу со столь необычными познаниями. Вы кто, прелестное дитя? Уж не профессорская ли дочка в незамысловатом камуфляже?

Его вывод невольно настораживает Елизавету, гася огонёк в глазах.

– Я проходящая уборщица! – отвечает она так, словно ставит между ними невидимую преграду. – И потому уже ухожу... Но прежде, если позволите, я хотела бы сфотографировать пластинку. Мне хочется показать её своей подруге Веронике: она как раз тот самый германофил... и увлекается геральдикой.

– Да-да, – отвечает мужчина, слегка рисуясь, – не стесняйтесь, пожалуйста, будьте, как дома. Его невольное движение открывает торс со вполне развитой, тренированной мускулатурой и Дмитрий не спешит исправить сию оплошность. – Вам помочь?

– Мне не нужна помощь, – взглядом пресекает его заигрывание Лиза – Помогите лучше самому себе. Думаю, что это вам сейчас нужнее.

– Вы про женский розовый халатик? – едва заметно усмехается Дмитрий. – Не нашёл ничего более достойное моменту: видимо, жена... Пардон, бывшая жена, увела для своего любовника.

– Ну, такие тонкости вашей личной жизни, мне знать ни к чему – это ваши проблемы.

– Извините, – реагирует Дмитрий, и его тон совсем не похож на извиняющийся. – Что моё-то моё: свои проблемы я никогда и никому не навязываю.

– Рада за вас, – как-то отстранённо реагирует девушка, доставая из кармана халата телефон и делая несколько снимков.

А затем продолжает всё с тем же, безразличным тоном:

– Я бы хотела воспользоваться вашей ванной, чтобы переодеться... Не могу же я идти в рабочем халате по улице.

– Всегда пожалуйста, – соглашается мужчина. – Хотя... вам, в отличие от меня, халат идёт.

Глава 3. Деловое предложение

Через несколько минут из ванной появляется девушка в лёгком, светлом сарафанчике, делающим её такой же лёгкой и светлой. Через руку у неё перекинута вязанная ажурная кофточка на случай прохладной погоды. И у Дмитрия вновь возникает ощущение, что он уже видел это лицо, словно светящееся изнутри, этот почти царственный поворот головы, эту высокую шейку, несущую невероятно милостивую головку, как большую драгоценность.

– Какая же ты на самом деле? – мысленно удивляется он, лихорадочно соображая сколько девушке лет. – При первом явлении это была женщина примерно моего возраста – лет сорока... В процессе общения я был готов поклясться, что тебе едва ли за тридцать, а сейчас и тридцати дать не могу – это оскорбит «ангельское создание».

Дмитрий прекрасно осознавал, что не стоит возносить на небесные высоты обычную, земную женщину – чревато последствиями: рано или поздно придется низвергать. А это – всегда больно, особенно для того, кто её на эти высоты вознёс... или вознёсся сам.

Тут даже «правило граблей» не всегда помогает:

«И снова мужчины шагают,
Годами, веками подряд.
И словно мальчишки не знают,
Что грабли летят и летят»...

Пока Дмитрий соображал, что предпринять, чтобы остановить девушку, так стремительно ворвавшуюся в его жизнь, та подходит к двери и останавливается в нерешительности, словно между ними осталась какая-то недосказанность. Затем она поворачивается к нему лицом и говорит просто, без обиняков и иронических подколов:

– До свидания, Дмитрий Петрович. Всего вам доброго!
И берётся за ручку двери.

И Дмитрий неожиданно понимает, что вот сейчас за ней закроется дверь и он её больше никогда не увидит.

– Стоять! – почти выкрикивает он, вновь пугая Лизу, и та, немного ступешавшись, смотрит на мужчину во все глаза, ожидая дальнейшего развития событий. Ей вдруг становится любопытно, что ещё выкинет этот странный человек, возникший на её пути по прихоти капризной судьбы.

– Во-первых: – начинает Дмитрий, – я хотел бы попросить у вас прощения за первое впечатление и невольную грубость: показалось, что это моя дражайшая супруга вернулась из небытия со своими воспитательными мерами.

И тут же поправился:

– Бывшая супруга! Уже – бывшая.

– Ничего, бывает, – успокаивает его девушка. – Я на вас не в обиде: было бы странно уборщице обижаться на работодателя.

Эти слова вызывают у Дмитрия неприятие, которое отображаются на его лице лёгкой гримасой, оставшейся незамеченной собеседницей.

Однако, реагирует он весьма сдержанно:

– Это хорошо, что не в обиде... Потому что у меня есть ещё и во-вторых.

Он смолкает, ожидая реакции девушки.

– Я вся внимание, – говорит та, разрушая и без того сильно пошатнувшееся реноме уборщицы.

Мужчина начинает издали, чтобы не отпугнуть ершистую особу на первых же словах предложения:

– Как я понял из всего сказанного вами, уборка не основное место вашей работы... Так называемая подработка?

– Допустим! – Лиза бросает на собеседника взгляд с оттенком заинтересованности.

– Делаю ещё один вывод: вам срочно понадобились деньги?

– Отвечу банальностью, – усмехается в ответ девушка. – А кому они не нужны?

Мужчина заметно приободряется:

– Тогда у меня к вам деловое предложение, которое позволит заработать неплохую сумму!

По лицу девушки пробегает лёгкая тень сомнения и некоторого опасения.

– Ради Бога, не бойтесь – ничего предосудительного: уборкой заниматься не придётся... Понадобятся иные таланты... Вам приходилось в своей жизни участвовать в драматических спектаклях?

– Только во время учёбы в институте – в капустниках, – признаётся Лиза. – А, что нужно сыграть? Уборщицу?

– Нет, – машет рукой Дмитрий, – хуже: мою жену.

– Ещё чего?! – вспыхивает Елизавета. – Уборщица и жена олигарха – понятия не совместимые.

– Допустим не олигарха а всего лишь предпринимателя... И потом, хватит приbedняться: вы уже проговорились, об учёбе в институте.

Да, уж – промашка вышла, – улыбается в ответ Лиза. – Впредь нужно быть скромнее.

– Скромничай – не скромничай, – отзывается Дмитрий, – у вас же на лбу институт вырывается. Никакая скромность этого не сотрёт... Решайтесь! Здесь и сейчас. Ей-ей не обиду.

– И всё-таки я рискну отказаться от столь щедрого предложения, – отвечает Лиза. – Думаю, надёжнее, да и дешевле обойдётся какая-нибудь талантливая студентка из театрального вуза. За умеренную плату она вам сыграет не только жену, но и мать, и любовницу, и даже родную бабушку в придачу.

– Какая же вы язвительная штучка, Елизавета Михайловна?! – резюмирует Дмитрий, явно недовольный таким ответом девушки.

Лиза в ответ с вызовом встряхивает волосами:

– Да, уж: я такая!

Это движение головой наводит Дмитрия на мысль:

– Кого-то вы мне очень сильно напоминаете, Лиза... Не дочь ли вы профессора Веретенникова Михаила Львовича? Именно он вот таким движением головы откидывал волосы со лба... особенно, когда был несогласен с оппонентом...

– «Вы, батенька, несёте полную чушь! – пытается он вслух скопировать профессора, – И не имеете ни малейшего понятия о том, что нам тут втюхиваете»... Вам, Елизавета Михайловна, случайно не знакомо это выражение?

– О чём вы? – делает непроницаемое лицо девушка. – Вы меня явно с кем-то путаете... Простая уборщица не может быть дочерью профессора!

И добавляет торопливо:

– Извините, Дмитрий Петрович, мне пора: на сегодня у меня ещё два заказа на уборку. Боюсь не успеть.

Мужчина достаёт из кармана халата визитную карточку и протягивает девушке:

– И всё-таки, возьмите мой телефон... Вдруг передумаете и согласитесь на моё предложение.

Лиза отвечает поспешно: – Вряд ли! – но карточку всё же берёт.

– И ещё одна просьба, – смеется Дмитрий, – прихватите мой плащ и костюм до ближайшего мусорного бака. Пожалуйста...

– А в химчистку слабо? – с иронией интересуется девушка.

– Не слабо, – ей в том отвечает Дмитрий, – просто времени нет на это.

– Так и разориться недолго, – резюмирует Лиза.

– Уже, – автоматически подтверждает мужчина, глядя на девушку с любопытством, всё ещё пытаюсь понять, что это за штучка.

– Что – уже? – не понимает его девушка.

– Разорили, – усмехается Дмитрий. – Бывший друг-компаньон и бывшая жена...

И добавляет, не меняя тона:

– Не обращайтесь внимания: так минутная слабость.

– Хорошо, если минутная, – не соглашается Лиза. – Всего полчаса назад я бы в это не поверила... Дмитрий Петрович, позвольте дать вам совет на прощание?

– Да-да, валяйте! Вам в этом доме позволено всё.

– Берегите свой чемоданчик-талисман, – продолжает девушка. – И непременно верните в него содержимое: оболочка без содержимого не стоит ничего – даже памяти... И ещё: если мне станет что-то известно по поводу геральдики, я непременно вам сообщу...

– До свидания! – вновь прощается Лиза. – Не раскисайте: мужчине это не к лицу.

– Мужчине и халат розовый не к лицу... Однако он на мне...

– До свидания! – повторяет Лиза, не желая вступать в дискуссию, и скрывается за дверью.

Дмитрию остаётся лишь констатировать:

– Была – и нет... Исчезла, как сон, как утренний туман... Да и мне, пожалуй, пора исчезать.. Ах, Лиза-Лизавета, кто же ты есть на самом деле?

Глава 4. Закон бизнеса

Добираясь на работу, привычно отстаивая в пробках, Дмитрий снова и снова возвращался в мыслях к девушке Лизе. Гадал сколько ей лет, замужем она или нет, действительно ли дочь профессора Веретенникова.

Удивлялся, что в сущности ничего не знал ни о своих преподавателях, ни о сокурсниках: что называется грыз гранит науки, не боясь обломать на нём зубы. Ему, парню из глухой провинции, ни коим образом не хотелось ударить лицом в грязь перед напыщенными детьми центральных городов страны, где и условия во много раз комфортнее, и знания – более обширные.

Так ему казалось поначалу, и он лез из кожи, чтобы доказать, что тоже не лыком шит. Потом все различия сгладились, нивелировались, и уже через пару лет Дмитрий ничем не выделялся среди своих сверстников. Возможно, только более серьёзным отношением к учёбе и меньшей степенью легкомысленности.

Со времени окончания института прошло почти пятнадцать лет – много воды утекло, много произошло изменений и со страной, и с людьми.

Его становление, утверждение, как личности, как предпринимателя, пришлось на лихие девяностые, когда всё трещало, рвалось и уничтожалось.

Казалось рушится всё, и уже не остановить, не удержать этого падения в пропасть.

Хапали и растаскивали всё, что можно и нельзя было ухватить. Чем больше силы, больше наглости и беспредела, тем большие куски откусывали от «общего пирога».

Дмитрию приходилось драться за каждую копейку, за каждую возможность проявить себя, встать, наконец, на ноги.

Всё испытал, всё прошёл, выстоял. Поднялся – поднял и свой бизнес, связанный с субподрядными работами по выполнению сантехнических, электромонтажных работ и монтажу оборудования.

Времени вспоминать о преподах и сокурсниках не было. Впрочем, с одним из сокурсников Дмитрий до сих пор не теряет связи – с Толяном Рудаковым. Пардон: Анатолием Викторовичем Рудаковым! Общается потому, что тот стал замом главного архитектора города. Хотя Дмитрий всегда уверял себя, что общается с ним вовсе не поэтому, что тут вполне дружеские, а не меркантильные соображения.

И вдруг стало так явственно и так стыдно за все свои мысли и поступки, словно пелена спала и открылось нечто. Или вернулось это самое нечто? И за Толика Рудакова стыдно, и за профессора Веретенникова и за Лизу. А главное: стыдно за себя.

Всего каких-то десять лет назад всё было иначе: яснее, чище, выше. И даже трудности и преграды не казались настолько неизбежными и непреодолимыми. А сейчас? Сейчас он никак не мог понять о чём он больше сожалеет: о потере друга, жены или денег, которые они увели из компании. Его компании!

Измена жены с Виталькой Павлюченко – с тем самым Виталькой с которым спина к спине все годы, как во время фашистской атаки, против беспредела, против лысых бандюганов с квадратными челюстями и квадратными плечами...

Даже в страшном сне не могло привидиться, что друг может так подло ударить в спину. А вот наяву – на тебе, получай... Вот потому вчера и не выдержал – напился чуть ли не до потери пульса.

Но зато стало понятно, что ничего бесследно не проходит, что рано или поздно приходится расплачиваться за все свои «деяния». Награда, так сказать, нашла своего героя и, что называется, ударила из всех стволов!

Верно говорят, что капитализм – со звериным оскалом. Закон бизнеса суров: или ты, или тебя. Нужно постоянно быть начеку: расслабишься конкуренты съедят и не поморщатся. Ещё обиднее, когда удар получаешь в спину, и от того, от кого этого не ожидал.

Уже перед самым офисом Дмитрий решил, что хватит «жевать сопли» пора расхлёбывать кашу, заваренную не им, но с его прямого попустительства. И он попытался понять, как можно выйти из сложившейся ситуации, попытаться хоть частично вернуть деньги, вынутые из компании некогда близкими, даже родными людьми.

– Нужно подключить всех, – решил он. – Банковские знакомства, службу безопасности, собственный «мозговой центр» в лице главного бухгалтера, экономической службы а также золотой головушки – Ильи Добровольского: и классного программиста, и хакера в одном лице.

Мысль работала лихорадочно, словно за ней гналась стая диких, узколобых дебилов из минувших девяностых, с единственным желанием разорвать в клочья, развеять по ветру и его бизнес, и его самого.

– Для начала придётся отказаться от парочки проектов, с минимальной выгодой, сократить все «непредвиденные расходы» до минимума, заморозить до лучших времён один проект, который давно уже торчит бельмом в глазу из-за своей нерентабельности...

И прежде всего выставить на продажу свою квартиру в центре города, чтобы рассчитаться с рабочими. Она сейчас стоит каких-то денег... Пока проживу в недостроенном доме. Кстати, и его строительство тоже придётся приостановить...

Поднимаясь к себе в кабинет, Дмитрий автоматически здоровался со всеми подряд, не разбирая свой-чужой. Иногда кому-то бросал:

– Зайдите ко мне минут через пять!

Или:

– Я жду вас через семь минут в своём кабинете.

На приветствие длинноногой секретарши в обалденном прикиде, даже забыл сделать замечание за слишком оголённые ноги и торс – только кивнул головой и сказал:

– Пригласите ко мне Корнева и Метлицкую. А так же начальника службы безопасности... И Добровольского не забудьте... Да, и ещё юриста.

Разговор предстоял серьёзный. По офису уже бродили слухи, будоража умы, что шефа кинули его верный «Санчо Панса» и красотка жёнушка, оставив в одном, «пардоньте», неглиже.

Нужно было пресечь все сплетни, а сплетников наказать за длинный язык вплоть до увольнения: паникёров на корабле держать всё равно, что мину замедленного действия – непременно рванёт в самое неподходящее время.

И разговор состоялся: конкретный, обстоятельный, для отдельных сотрудников весьма нелицеприятный – вплоть до угрозы увольнения (пока только до угрозы).

Лица серьёзные, сосредоточенные – ни обычных смешков, ни шуточек, ни подкальваний.

– Скажу без обиняков, – заявил Дмитрий, – времена настали для нас, действительно, непростые... Боюсь, что придётся всем нам от многого отказаться: и от бонусов, и от празднований, да, если на то пошло, и от повышения зарплат...

Придётся пересмотреть все договора и от мало эффективных отказаться сразу, чтобы не морочить голову заказчику... Но это мы уж посмотрим конкретно с Борисом Викторовичем, Викторией Максимовной и Львом Гавриловичем...

Предупреждаю сразу: я не Павлюченко и церемониться с лодырями и прогульщиками не стану и уж тем более поощрять таких... материально. Поэтому попрошу всех сделать соответствующие выводы, и если такая постановка дел не устраивает...

Дмитрий сделал долгую паузу специально, чтобы поняли все: поблажек с этого дня не будет никому. Боялся ли он, что после такого разговора к нему на стол ляжет ни одно заявление об уходе? Опасался, но всё-таки надеялся, что таких буйных голов буде от силы две-три.

– На этом всё, – закончил свою речь Дмитрий. – Прошу все занять свои рабочие места, за исключением главбуха и экономиста...

– Да, Максим Николаевич, – обратился он к начальнику службы безопасности, – с вами у нас будет очень серьёзный и... конфиденциальный разговор. Чуть позже.

– Хорошо, – ответил тот. – Я буду у себя в кабинете.

Едва за всеми закрылись двери, как главный бухгалтер достал из своей папочки лист бумаги с каким-то текстом и положил его на стол перед начальником.

– Что это? – поинтересовался Дмитрий.

– Заявление об увольнении, – кратко ответил Борис Викторович, вытирая воображаемый пот со лба тыльной стороной ладони, что говорило о его чрезмерном волнении.

– Почему? – так же кратко спросил его Дмитрий.

– В некоторой степени я виноват в случившемся, – пояснил главбух, теребя в руках злощастную папочку, – не предвидел, не усмотрел, не смог предотвратить...

– Скажите честно, Борис Викторович, – прямо глядя в глаза главбуху, поинтересовался Дмитрий, – вы не способствовали Павлюченко?

– Нет! – твёрдо ответил тот. – Ни в коей мере.

– Тогда почему решили умыть руки? Именно сейчас, когда больше всего нужны и ваши знания, и ваш опыт и ваша помощь?

– Просто я подумал, что после произошедшего, – начал бухгалтер, стараясь выдержать пронизательный взгляд шефа, – вы, Дмитрий Петрович, не захотите видеть меня... на этом месте.

– Вы ошиблись, Борис Викторович! – твёрдо ответил Дмитрий. – Идите на рабочее место... Я очень прошу вас... и вас, Виктория Максимовна... совместно с юристом перепроверить все договора с целью минимизации расходов. Это сейчас для нас первостепенный вопрос. А так же все последние счета, платёжки, банковские переводы. С предложениями как и что ещё можно поправить. Все свои выводы и расчёты мне на стол. Через два часа жду вас у себя в кабинете.

Опустив голову, как побитый цуцик, пожилой главбух шаркающей походкой вышел из кабинета. За ним, не говоря ни слова поднялась краса и гордость экономического отдела Виктория.

Когда за ними закрылась дверь Дмитрий обратился к Добровольскому:

– Теперь, Илья, предстоит самое трудное и, возможно, даже не вполне законное...

Неожиданно ему вспомнилось, что на днях, их выдающийся и вездесущий программист, Добровольский откопал где-то стихи, которые вызвали в офисе настоящий фурор в разнообразных смыслах этого слова:

– «Наш род мужской с веками не мудрее стал,
И всех наук, осилив верхотуру,
В душе возводим мы хрустальный пьедестал,
И на него – сажаем дуру».

– Сразу видно: мужик написал. Не рассусоливал. Конкретно. По делу. Сажаем – ох, сажаем! – думал Дмитрий, неожиданно выпадая из контекста повествования. – И для нас вполне достаточно, чтобы женщина была мила и привлекательна. А уж, если красива – то всё: лапки в гору, и на тебе любой пьедестал – хоть хрустальный, хоть золотой.

Слабая половина на Илюшу за те весьма крамольные стишата сильно обиделась вплоть до вызова на дуэль за оскорбления чести и достоинства женской половины человечества. Но он, хитрец, всё решил миром.

Глава 5. Вся подноготная

– Теперь ты, Илья, – шеф перевёл взгляд на Добровольского, оставшись с ним в кабинете наедине.

– Да, Дмитрий Петрович, – с готовностью придвинулся ближе молодой человек. – Я весь одно сплошное ухо.

– Конечно, это нужно было сделать ещё вчера... Но... Для тебя самое сложное задание: вскрыть комп моего бывшего компаньона... Я знаю, что у тебя есть удалённый доступ ко всем нашим компьютерам...

Илья сделал попытку не то возразить, не то оправдаться, но Дмитрий остановил его:

– Я не собираюсь отчитывать тебя, Илья. И даже более того, прошу сделать всё возможное, чтобы вернуть деньги, которые увёл с наших счетов Павлюченко. Заранее даю добро на все твои действия, дорогой... Даже незаконные.

– Всё так серьёзно? – спросил Илья, внимательно глядя на шефа.

– Более чем, – ответил тот.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.